

дует иначе объяснять его происхождение, — ведь достаточно, чтобы «только сказал бог, (чтобы) появился и Христос».

И здесь турки опять опираются как на учение калам, так и непосредственно на Коран, согласно которому зачатие Иисуса девой Марией произошло по единому слову бога: «будь» (гл. 3, ст. 42).

Тезис о принципиальном различии бесконечного божественного и конечного пространственно-временного Паламе приходится дополнить антитезисом о совместимости этих двух сфер, — совместимости именно по причине их несоизмеримости. Он отвечает: «Бог — это не какое-то большое тело, чтобы не мочь поместиться в малом из-за величины. Но, будучи бестелесен, он может быть всюду, выше всего и в одном. И если бы кто-нибудь вообразил наименьшее, он и в нем весь может уместиться». Отсюда и реальность богочеловечества Христа: «... предвечное божье Слово вочеловечилось и стало, не смешиваясь, плотью...»

А кроме того, просто нелогично говорить, что «слово появляется от иного слова». Так могли появиться такие явления, как камень, говорит митрополит, показывая на лежащий рядом камень, и трава, и змеи... .

Касается в этом разговоре Палама и понятия божественной энергии, которое он защищал, и еще будет защищать в богословских спорах в Византии. Это — другой, наряду с вочеловечением сына божия, «мост» между двумя сферами бытия — нетленной и тленной. Палама тут вновь пользуется примером солнца: «... как солнечные лучи имеют одновременно и животворящую силу, и свет, и тепло, так и божья энергия имеет в себе божественную силу и правду».

Здесь спора на эту тему не возникает. Были ли эти собеседники Григория Паламы менее чутки к такого рода вопросам, чем его византийские оппоненты? Может быть, нет. Теория божественной энергии — теория мистиков, а XIV в. — век мистицизма едва ли не во всех религиях и странах. Принадлежит к наиболее ревностно-религиозной части иудейских раскольников, «хионе» вполне могли быть знакомы с учением еврейских мистиков хасидов о вездесущей божественной славе к а в о д, в своем внутреннем проявлении трансцендентной, а во внешнем зримой мистиками как свет и определяемой ими как божественная воля, «святой дух» и слово божие; по крайней мере, предшественники «хион» в XII в. эту теорию знали.⁷⁷ Турки, с другой стороны, должны были, конечно, быть знакомы с идеями мистиков-суфиев о разлитой во всем мире божественной силе, обуславливающей «единство бытия».⁷⁸

Интересно, далее, как Григорий Палама говорит о свободе воли человека. Следуя православной традиции, он отводит ей ключевую роль в судьбах мира. Человек добровольно преступил божественную заповедь и за это получил в удел смерть. «Не свойственно было богу своею властью избавить человека от этого, ибо тем самым он поступил бы несправедливо по отношению к дьяволу, насильно отняв из руки его человека, которого тот взял не силою. Также и свобода воли („αὐτεξούσιον“) человека пропала бы, если бы он был освобожден насильно и властью божией, а это не свойственно богу — разрушать свое создание. Стало быть, необходимо было человеку стать безгрешным и безгрешно пожить. (Лишь) так (возможно было) помочь добровольно согрешившему человеку». Поскольку же людям это оказалось не по силам, стал человеком и с человеческой свободной волей прожил безгрешную жизнь и умер,

⁷⁷ G. G. Scholem. Major Trends..., p. 110—112.

⁷⁸ См.: И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, стр. 336.